

РАЗДЕЛ 3. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106).
Political Linguistics. 2024. No 4 (106).

УДК 81'42+81'81'27
ББК Ш105.51+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 5.9.8

Марина Рашитовна Бабикова^{1✉}, Ольга Владимировна Кружкова^{2✉}

^{1,2} Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

¹ marina-anvarova@yandex.ru[✉], SPIN-код: 3594-3307

² galiat1@yandex.ru[✉], SPIN-код: 7080-7230

Прецедентные феномены графических повреждений городского пространства как элемент политического дискурса

АННОТАЦИЯ. Современный политический дискурс характеризуется разноплановостью и многомерностью. Коммуникация и события, наполняющие его, выходят за рамки институциональности, что позволяет рассматривать различные форматы политического дискурса. Так, предметом настоящего исследования являются прецедентные феномены графических повреждений городского пространства как полисемiotического формата указанного дискурса. Общая цель исследования заключается в выявлении специфики прецедентных феноменов как средства воздействия на городское пространство и его жителей. Для решения поставленных задач в ходе исследования применялись обобщение, описание, методы контекстуального, семиотического анализа, метод социолингвистического анализа и психолого-средовой анализ изображений. Отбор материала производился посредством метода сплошной выборки.

В статье делается вывод о том, что включение прецедентности в несанкционированные граффити — не только средство привлечения внимания, но и способ формирования определенного мнения горожан о происходящих политических событиях, зачастую скрывающий сильный эмоциональный контекст. За счет ярких или вызывающих надписей, содержащих прецедентный элемент, происходит активизация когнитивных процессов адресата, оставляющая в его памяти значительный след и оказывающая идеологическое воздействие, что, как следствие, предсказуемо вызывает эмоциональный отклик.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: графические повреждения, городское пространство, политический дискурс, прецедентные феномены, формат дискурса.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Бабикова Марина Рашитовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет; 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; email: marina-anvarova@yandex.ru.

Кружкова Ольга Владимировна, кандидат психологических наук, доцент, заведующий лабораторией перспективных социосредовых исследований, Уральский государственный педагогический университет; 620091, Россия, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; email: galiat1@yandex.ru.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01487, <https://rscf.ru/project/23-28-01487/>.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Бабикова, М. Р. Прецедентные феномены графических повреждений городского пространства как элемент политического дискурса / М. Р. Бабикова, О. В. Кружкова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4 (106). — С. 115-121.

Marina R. Babikova^{1✉}, Ol'ga V. Kruzhkova^{2✉}

^{1,2} Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

¹ marina-anvarova@yandex.ru[✉], SPIN: 3594-3307

² galiat1@yandex.ru[✉], SPIN: 7080-7230

Precedent Phenomena of Graphic Damage to Urban Spaces as an Element of Political Discourse

ABSTRACT. Modern political discourse is characterized by diversity and multidimensionality. Communication and the events that fill it go beyond the institutional framework, which allows considering various formats of political discourse. Thus, the object of this study comprises precedent phenomena of graphic damage to urban space as a polysemiotic format of the said discourse. The overall goal of the research is to disclose the specificity of precedent phenomena as a means of influencing urban space and its inhabitants. To solve the problems posed in the course of the study, the authors use generalization, description, the methods of contextual and semiotic analysis, and the method of sociolinguistic analysis and psychological-environmental analysis of images. The selection of material was carried out using the continuous sampling method.

The article concludes that the inclusion of precedent phenomena in unauthorized graffiti is not only a means of attracting attention, but also a way of forming a certain opinion of the citizens about the ongoing political events, which often hides

a strong emotional context. The use of dazzling or provocative inscriptions containing a precedent element activates the recipient's cognitive processes, leaving a significant trace in their memory and exerting an ideological impact, which, as a result, brings about a predictable emotional response.

KEYWORDS: *graphic damage, graffiti, urban space, citizens, political discourse, political events, political texts, precedent phenomena.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Babikova Marina Rashitovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

Kruzhkova Olga Vladimirovna, Candidate of Psychology, Associate Professor, Head of the Laboratory for Advanced Socio-Environmental Research, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

ACKNOWLEDGMENTS. The research has been carried out with financial support of the Russian Science Foundation grant № 23-28-01487, <https://rscf.ru/project/23-28-01487/>.

FOR CITATION: *Babikova M. R., Kruzhkova O. V. (2024). Precedent Phenomena of Graphic Damage to Urban Spaces as an Element of Political Discourse. In *Political Linguistics*. No 4 (106), pp. 115-121. (In Russ.).*

Социально-политические явления современного общества характеризуются множественной «турбулентностью», требующей от представителей социума устойчивости и внутренней готовности к возникающим вызовам. Реакция населения на те или иные события, явления во многом зависит от уровня образования, политических предпочтений, психолого-половозрастных характеристик представителей общества. Деструктивная форма реакции может быть присуща отдельным субкультурам, радикальным политическим объединениям или представителям молодежи, привыкшим к противоправным формам самовыражения.

В настоящем исследовании речь идет о реакциях на политические события страны, распространяемых средствами графических повреждений городского пространства, зачастую бесконтрольных, стихийных и, как следствие, являющихся инструментом воздействия на адресатов неуставленного количества с разнообразным культурным уровнем.

Рассматривая политический дискурс с позиции алгоритма, предложенного В. И. Карасиком («характеристика типовых участников; описание хронотопа; выявление целей; определение ценностей; описание основных стратегий; описание ключевых жанров» [Карасик 2004]), следует говорить о многомерности этого феномена, о его выходе за рамки институциональности. На сегодня политический дискурс представлен не только сферой «политиков, ограниченной профессиональными рамками; их деятельностью, продуцируемой в институциональной политической обстановке» [Шапочкин 2012, цит. по: Сиркия 2018: 165]. Это та сфера, которая вовлекает разных субъектов; по мнению Н. П. Сиркия, это «политические лидеры, политические партии и объединения; средства массовой коммуникации; индивиды, социальные группы и общество в целом» [Сиркия 2018: 166]. Это разное про-

странственно-временное оформление, в котором дискурс может быть реализован одновременно и в пределах характерной для него обстановки — Государственная дума, палата министров и пр., и в других вариантах: виртуальное пространство, личная беседа, персональное выражение мнения индивида.

Современный политический дискурс — это разнообразное жанровое пространство: «инаугурационное обращение, лозунг, конституция, послание президента, предвыборные дебаты, анекдоты, мемуары, комментарии на политические события» [Карасик 2004: 282] и т. д. Таким образом, мы видим, как существующие параметры институциональности политического дискурса в какой-то момент «размываются». О таком феномене упоминает Е. И. Шейгал, описывая политический дискурс в его «тесном переплетении с другими видами дискурса: бытовым, художественным, дискурсом массмедиа и пр.» [Шейгал, цит. по: Карасик, 2004: 282]. Ряд исследователей, отмечая размытие границ институциональности политического дискурса, в части осуществления коммуникации выделяют, например, политический интернет-дискурс [Никифорова 2014; Сиркия 2018; Тагильцева 2006].

Коммуникативная реальность современного политического дискурса, его участники, хронотоп и другие компоненты расширяют границы дискурса, позволяя исследователям выделять разные форматы. Мы предлагаем выделить полисемiotических форматов политического дискурса.

Одним из таких форматов является граффити. Графические повреждения — вариант коммуникации в пределах городского пространства. Наполняя граффити разными смыслами, авторы демонстрируют свою ментальную принадлежность: от безобидного, пусть и несанкционированного, самовыражения до трансляции острополитических, оппозиционных идей. Граффити — это не

только инструмент влияния объединений, исключенных из установленной политической системы, это ресурс, подвластный любому жителю, обладающему внутренней готовностью к нарушению закона и желающему таким образом заявить о своих политических предпочтениях, выразить мнение относительно политических событий, привлечь внимание к тем или иным событиям / политикам; кроме того, это еще и инструмент считывания того, какое понимание текущих политических событий складывается у некоторых горожан, какой смысл они вкладывают в политику.

Кроме функции выражения, несанкционированные политические граффити реализуют функцию воздействия, когда их «выламывающаяся» из нормативного окружения инаковость, сопровождаемая, как правило, размещением в местах с высокой проходимостью человеческого потока, принуждает множество наблюдателей воспринимать запечатленные в них смыслы и, возможно, внутренне (а иногда и внешне) вступать с ними в полемику. Граффити навязывают наблюдателям необходимость видеть их, наравне с архитектурой являясь объектом «насильственной демонстрации» [Аль-Амери, Исмаила 2024], не оставляя наблюдателю свободы воли и выбора в восприятии или отказе во взаимодействии с ними как источниками визуального и информационного влияния. Политические граффити хорошо запоминаются даже при единичной демонстрации, поскольку посвящены острым социальным вопросам, затрагивающим интересы большинства людей [Кружкова, Бабилова, Робин 2024], и, хотя в большинстве случаев оцениваются наблюдателями негативно [Кружкова, Бабилова, Робин 2024; Швиндт 2021], тем не менее могут оказывать существенное влияние на общественные настроения и индивидуальные мнения, политические предпочтения и позиции граждан.

Использование граффити обусловлено его широким потенциалом, способностью в самых изощренных художественных формах, иногда лишь одной, но ставшей уже прецедентной фразой выражать идеологию, направленную на разжигание вражды и ненависти по признаку расовой, религиозной принадлежности, транслировать мнение оппозиционного характера, прививая его адресатам. Будучи полисемiotическим средством, графические повреждения состоят из

визуальных и вербальных символов, где ведущую функцию выполняет именно визуальный компонент, который нередко полностью дублирует компонент вербальный. Привлечение внимания к смыслу повреждения достигается авторами за счет разнообразных риторических приемов, средств образной выразительности, тропов (обороты в переносном значении и фигуры речи), отсылок к прецедентным феноменам, частотностью инфинитивных предложений, выражающих семантику побуждения адресата речи к совершению какого-либо действия, а также «предоставляющих возможности для эмоционального и афористического выражения мысли» [Голошубина, Никитина 2017: 74]. В рамках настоящего исследования внимание уделяется интертекстуальности политического дискурса. Как отмечает А. П. Чудинов, «современный политический текст часто строится и воспринимается как своего рода диалог с другими текстами: автор развивает и детализирует высказанные ранее идеи, полемизирует с ними, дает свою интерпретацию фактов, подчеркивает собственную позицию. Такой текст оказывается насыщенным множеством скрытых и откровенных цитат, реминисценций, аллюзий, прецедентных метафор; его полное восприятие возможно только в дискурсе с использованием множества фоновых знаний из различных областей культуры» [Чудинов 2012: 114]. Анализ графических повреждений демонстрирует разнообразие прецедентных феноменов: это отсылка к высказываниям, ситуациям, именам, символам, метафорам и пр., благодаря которой подчеркивается и раскрывается суть политического дискурса.

В настоящее время граффити часто «связаны с „оппозиционной“ субкультурой: они могут служить неким „индикатором“ политической активности, а нередко являются и средством выражения политической позиции, такие граффити можно обозначить как политические. Политические граффити особенно популярны среди группировок, исключенных из установленной политической системы, например, националистические, экстремистские» [Ворошилова 2016: 60]. Нередко встречаются надписи, нанесенные горожанами с целью выражения протеста, личной оценки происходящих событий, их содержание также отсылает адресата к политическому дискурсу. Рассмотрим примеры (см. рис. 1, 2).

Рис. 1 (фото из личного архива)

В январе 2024 года на одной из оживленных улиц Екатеринбурга появилось граффити с изображением моряка Попая, на бицепсе которого изображен кельтский крест, а рядом сопровождающий текст: «На кого детишки быть похожими хотят? Он и <название группы национальностей> зарежет, снимет с дерева котят!» (рис. 1). Кельтский крест — прецедентный символ, идентифицируемый с движением белых расистов и скинхедов. Смысл текста открыто призывает к насилию против лиц обозначенных национальностей, а апелляция к другому прецедентному феномену — образу сильного и положительного героя, преодолевающего все трудности, способствует формированию у читателя допустимости предложенной стратегии поведения. Использование образа мультипликационного героя с ярким просоциальным героическим поведением и готовностью преодолевать ограничения и препятствия формирует ложную установку у наблюдателя на допустимость девиантного поведения при условии достижения посредством него «благой» цели, ориентацию на подражание данному герою. При этом адресатами здесь будут являться не только дети (как основные потребители мультипликационного контента), но и взрослые, чье детство пришлось на 90-е гг. XX в., хорошо знакомые с данным героем мультфильма и его стратегией поведения. Использование простого стихотворного текста с хорошей ритмикой приводит к легкому его запоминанию и непроизвольному воспроизведению в памяти. Текст построен таким образом, что четко описывает образ якобы социально одобряемого поведения. В нем как равнозначно позитивные и рядоположенные перечисляются

Рис. 2 (фото из личного архива)¹

действия по спасению животного и убийство людей по национальному признаку.

Изображение направлено на активизацию механизмов идентификации и подражания, посредством которых предполагается принесение экстремистских установок как социально одобряемых в поведение невольного наблюдателя. Отсутствие прямого призыва к противоправным действиям и апеллирование к значимым позитивным образам из детства наблюдателей реализуется за счет инструментов «мягкой силы» [Бабилова, Кружкова 2024], создавая условия для снижения барьеров принятия навязываемых экстремистских установок, создавая почву для развития реакции насильственного характера в случае обострения межнациональной напряженности.

Граффити, зафиксированное на втором рисунке, также было размещено на одной из оживленных транспортных артерий Екатеринбурга. Перед нами отсылка к специальной военной операции, что прочитывается благодаря включению таких прецедентных феноменов, как сочетание букв ZVO, флаг Российской Федерации, аббревиатура НАТО. Вербальный компонент «Работайте братья» также является прецедентным и отсылает в первую очередь к ситуации его появления — последние слова Магомеда Нурбагандова, Героя России, лейтенанта полиции, трагически погибшего от расстрела боевиков, позже ставшая крылатым выражением, символизирующим уничтожение боевиков, борьбу с ними. Упомянутая фраза в значении «борьбы с врагом, его уничтожении» появляется в одноименном тексте песни музыкальной группы «Чёрная ночь». Произведения данной группы исполняются в под-

¹ Изображения, представленные в материалах статьи, имеют исключительно исследовательский потенциал. Не являются проявлением агрессии и стремлением к оскорблению кого-либо.

держку специальной военной операции. Композиционное размещение прецедентных элементов и визуальный ряд символизируют беспощадное отношение к антагонисту, формируя у единомышленников чувство единения и поддержки. Смысл граффити демонстрирует поддержку «СВОих», участвующих в СВО, на что указывает не только визуальный компонент граффити, но и текст обращения. Однако в психологическом плане выбранная стилистика хоррор-изображения с большим количеством элементов, содержащих скрытую агрессию (острые углы, изображение крови, изломы прямых линий и пр.) работает в большей степени на негативные эмоции, демонстрируя утраченное, беспощадность, неумолимую силу и вызывая у зрителя не только чувство единения и превосходства, но и опасения, испуг, отвращение. В связи с локацией размещения рядом с промзоной в наибольшей степени данное изображение направлено адресатам от подросткового к более старшим возрастам, а использование ограниченной цветовой палитры с серым фоном изображения делает данное граффити аутентичным для окружающей среды, естественно вписанным в нее, заставляя остальную внешнюю обстановку (заводские стены, улицу, транспорт и пр.) в их смысловой наполненности и динамике работать на заложенную в изображении идею.

Смысловое наполнение данного граффитического повреждения является одной из самых распространенных на сегодняшний день

тем, активно транслируемых разными категориями граждан в пределах городского пространства. При этом следует отметить, что тема имеет две стороны: традиционно встречаются подобные граффити, выражающие поддержку, сострадание, призывающие сограждан объединиться в борьбе с «врагом», а есть граффити, выражающие протестное настроение в связи с этой темой. Изображения последнего типа содержат явные или скрытые призывы к прекращению военной операции, направлены на обвинение представителей государственного управления в незаконных действиях и т. д. Такие граффитические повреждения представлены на иллюстрациях 3, 4.

На рисунках 3,4 присутствует отсылка к прецедентному имени — Путин. На рисунке 3 — легко узнаваемая визуализация образа Президента и вербальный компонент «*мама, я все верну! Вова*». Визуальная часть, судя по всему, передает эмоцию печали, грусти, для кого-то, возможно, досады, стыда и вины. Вербальный компонент, представленный в форме некоего обещания, ставит изображенное лицо в позицию виноватого, стремящегося к устранению последствий, наступивших в результате определенных действий. Прибегая к такой трансляции смысла, автор как будто обвиняет указанное лицо в том, о чем адресат сам должен додумать. Такая формулировка смысла выглядит очень диалогичной: во-первых, очевидна отсылка к актуальным по-

Рис. 3 (фото из личного архива)

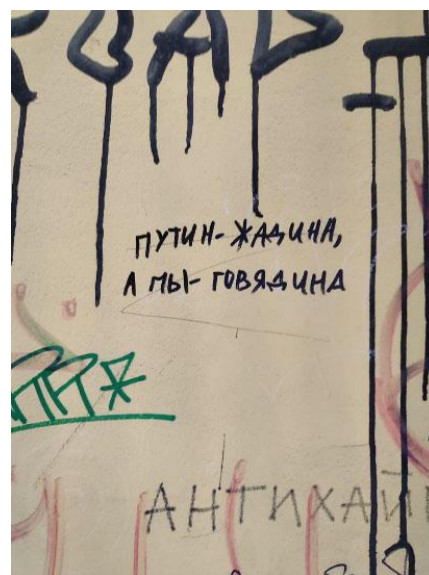

Рис. 4 (фото из личного архива)

литическим событиям и прослеживается отношение неодобрения действий первого лица государства, во-вторых, полное раскрытие смысла будет у каждого адресата свое в силу разной специфики восприятия заложенной в граффити темы.

Изображение 4 также отсылает к упомянутому прецедентному имени, но, в отличие от предыдущего примера, в данном случае Президенту дана характеристика «скупого (в граффити номинировано словом „жадина“), кровожадного, беспощадного» правителя через трансформации прецедентной детской дразнилки «жадина-говядина». Данный пример выполнен в формате языковой игры, представляющей для кого-то «прозрачную, для кого-то достаточно сложную загадку» [Чудинов 2015: 115].

Отдельно следует отметить особенность расположения графических повреждений, представленных на рисунках 3 и 4: граффити представлены в форме «скрытых протестов», так как локализованы в переулках, в местах с низкой проходимостью, но за счет того, что такие граффити дольше остаются на стенах, повышается регулярность считывания смысла одними и теми же адресатами, и, как следствие, запоминаемость и интеграция в сознание адресата.

Использование прецедентности в политической коммуникации, выходящей за рамки правового регулирования, придает графическим повреждениям особую привлекательность для адресатов, способствующую активизации когнитивных процессов, увеличивающую шансы на длительную фиксации информации в памяти адресата: «...используемые в тексте прецедентные феномены делают изложение более интеллектуальным, формируют новые смыслы, вводят новое событие в общеисторический и культурный контекст... Прецедентные феномены позволяют сделать сообщение более ярким, привлекающим внимание» [Чудинов 2015: 115].

За счет граффити осуществляется речевое воздействие на адресата, формирование определенного отношения к тем или иным реалиям политической жизни. Включенные в графические повреждения прецедентные феномены направлены на идеологическое воздействие, является эмоциональным способом воздействия на адресата, так как данные феномены способны вызывать предсказуемый эмоциональный отклик.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аль-Амери, Д. Х. Граффити, революция и городская среда / Д. Х. Аль-Амери, Х. Б. Исмаила. — Текст : непосредственный // Проект Байкал. — 2024. — № 21 (79). — С. 74–80. — DOI <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/77.2289>.

2. Белкина, О. Е. Прецедентные феномены во французском протестном дискурсе 2018–2020 гг. (на материале плакатов и граффити) / О. Е. Белкина, Ю. А. Балыш, М. К. Огородов. — Текст : непосредственный // Филологические науки в МГИМО. — 2020. — № 2 (22). — С. 82–88. — DOI doi.org/10.24833/2410-2423-2020-2-22-82-88.

3. Босова, Л. М. Эмотивность политического дискурса / Л. М. Босова, А. Н. Диденко. — Текст : непосредственный // Евразийский Союз Ученых. — 2018. — № 7 (52). — С. 40–42.

4. Бочарова, О. А. Политические граффити Москвы / О. А. Бочарова, Я. М. Щукин. — Текст : непосредственный // Вестник Евразии. — 1999. — № 1-1. — С. 18–32.

5. Ворошилова, М. Б. Тема-рематический анализ граффити / М. Б. Ворошилова. — Текст : непосредственный // Психолингвистические аспекты речевой деятельности. — 2016в. — № 14. — С. 58–67.

6. Голошубина, О. К. Языковое воплощение речевого жанра «разговор в мессенджере»: типичные реализации / О. К. Голошубина, Л. Б. Никитина. — Текст : непосредственный // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. — 2017. — № 3 (16). — С. 72–76.

7. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Москва : Гнозис, 2004. — 390 с. — Текст : непосредственный.

8. Кружкова, О. В. Вандально нанесенные тексты: потенциал «мягкой силы» / О. В. Кружкова, М. Р. Бабилова, С. Д. Робин. — Текст : непосредственный // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 2. — С. 96–117. — DOI [10.24224/2227-1295-2024-13-2-96-117](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-2-96-117).

9. Матусевич, А. А. Общение в социальных сетях: прагматический, коммуникативный, лингвостилистический аспекты характеристики : дис. ... канд. филол. наук / А. А. Матусевич. — Киров, 2016. — 190 с.

10. Никифорова, А. М. Актуализация цветоименований и цветообразов в современном американском политическом интернет-дискурсе (на материале сайтов политических партий США) : 10.02.04 «Германские языки» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Никифорова Алиса Михайловна. — Санкт-Петербург, 2014. — 22 с. — EDN ZPKBFX.

11. Сиркия, Н. П. Политический дискурс VS политический интернет-дискурс: сходства и различия (когнитивный аспект) / Н. П. Сиркия. — Текст : непосредственный // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2018. — Т. 10, № 2-2. — С. 164–170. — DOI [10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-164-170](https://doi.org/10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-164-170). — EDN URLLWA.

12. Тагильцева, Ю. Р. Субъективная модальность и тональность в политическом интернет-дискурсе : дис. ... канд. филол. наук / Тагильцева Ю. Р. — Екатеринбург, 2006. — 251 с. — Текст : непосредственный.

13. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. — 4-е изд. — Москва : Флинта : Наука, 2012. — 256 с. — Текст : непосредственный.

14. Швиндт, У. С. Эстетическая и проблемная ориентация стрит-арта в восприятии городского населения (на примере Екатеринбурга) / У. С. Швиндт. — Текст : непосредственный // Koinon. — 2021. — Т. 2. — № 2. — С. 100–115. — DOI [10.15826/koinon.2021.02.1.005](https://doi.org/10.15826/koinon.2021.02.1.005).

15. Шейгал, Е. И. Игровой дискурс: игра как коммуникативное событие / Е. И. Шейгал, Ю. М. Иванова. — Текст : непосредственный // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. — 2008. — Т. 67, № 1. — С. 3–20. — EDN INMJQL.

REFERENCES

1. Al'-Ameri, D.H., & Ismailya, H.B. (2024). Graffiti, revolyuciya i gorodskaya sreda [Graffiti, revolution and urban environment]. *Proekt Bajkal*, 21(79), 74–80. <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/77.2289> (In Russ.)

2. Belkina, O.E., Balysh, Yu.A., & Ogorodov, M.K. (2020). Precedentnye fenomeny vo francuzskom protestnom diskurse 2018–2020 gg. (na materiale plakatov i graffiti) [Precedent phenomena in French protest discourse 2018–2020. (based on posters and graffiti)]. *Filologicheskie nauki v MGIMO*, 2(22), 82–88. doi.org/10.24833/2410-2423-2020-2-22-82-88 (In Russ.)

3. Bosova, L.M., & Didenko, A.N. (2018). Emotivnost' politicheskogo diskursa [Emotivity of political discourse]. *Evrazijskij Soyuz Uchenykh*, 7(52), 40–42. (In Russ.)

4. Bocharova, O.A., & Shchukin, Ya.M. (1999). Politicheskie graffiti Moskvy [Political graffiti of Moscow]. *Vestnik Evrazii, 1-1*, 18–32. (In Russ.)
5. Voroshilova, M.B. (2016). Tema-rematicheskij analiz graffiti [Theme-rhematic analysis of graffiti]. *Psicholingvističeskie aspekty rečevoj deyatelnosti, 14*, 58–67. (In Russ.)
6. Goloshubina, O.K., & Nikitina, L.B. (2017). Yazykovoe voploščenie rečevogo žanra «razgovor v messendžere»: tipičnye realizacii [Linguistic embodiment of the speech genre “conversation in the messenger”: typical implementations]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya, 3(16)*, 72–76. (In Russ.)
7. Karasik, V.I. (2004). *Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Moscow: Gnozis, 390 p. (In Russ.)
8. Kruzhkova, O.V., Babikova, M.R., Robin, S.D. (2024). Vandal'no nanesennye teksty: potencial «myagkoj sily» [Vandalized texts: the potential of “soft power”]. *Nauchnyj dialog, 13(2)*, 96–117. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-96-117 (In Russ.)
9. Matusевич, A.A. (2016). *Obščhenie v sotsial'nykh setyakh: pragmatičeskij, kommunikativnyj, lingvostilističeskij aspekty kharakteristiki* [Communication in social networks: pragmatic, communicative, linguistic and stylistic aspects of characteristics] [Dis. ... of Cand. of Philology]. Kirov, 190 p. (In Russ.)
10. Nikiforova, A.M. (2014). *Aktualizacija cvetonaimenovanij i cvetoobrazov v sovremennom amerikanskom političeskom internet-diskurse (na materiale sajtov političeskij partij SSHA)* [Up-dating of color names and color images in modern American political Internet discourse (based on the websites of US political parties)] [Abstract of Dis. ... of Cand. of Philology]. St. Petersburg, 22 p. EDN ZPKBFX. (In Russ.)
11. Sirkija, N.P. (2018). Političeskij diskurs VS političeskij internet-diskurs: skhodstva i različiya (kognitivnyj aspekt) [Political discourse VS political Internet discourse: similarities and differences (cognitive aspect)]. *Istoričeskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl', 10(2-2)*, 164–170. DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-164-170. EDN: URLLWA. (In Russ.)
12. Tagil'ceva, Yu.R. (2006). *Sub'ektivnaya modal'nost' i tonal'nost' v političeskom internetdiskurse* [Subjective modality and tonality in political Internet discourse] [Dis. of Cand. of Philology]. Ekaterinburg, 251 p. (In Russ.)
13. Chudinov, A.P. (2012). *Političeskaya lingvistika* [Political Linguistics] [Textbook] (4th ed.). Moscow: Flinta: Nauka, 256 p. (In Russ.)
14. Shvindt, U.S. (2021). Estetičeskaya i problemnaya orientacija strit-arta v vosprijatii gorodskogo naseleniya (na primere Ekaterinburga) [Aesthetic and problematic orientation of street art in the perception of the urban population (using the example of Yekaterinburg)]. *Koinon, 2(2)*, 100–115. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.1.005 (In Russ.)
15. Shejgal, E.L., & Ivanova, Yu.M. (2008). Igrovoy diskurs: igra kak kommunikativnoe sobytje [Game discourse: game as a communicative event]. *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya literatury i yazyka, 67(1)*, 3–20. EDN: INMJQL (In Russ.)